

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ВЗГЛЯД ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ КОНЦА XIX в.

В данной статье на основании мемуаров, переписки и трудов политических ссыльных рассматривается специфика постановки медицинского дела и народной медицины на Тобольском Севере в конце XIX века. Анализируется точка зрения пациентов, динамика отношений между ними и их лечащими врачами в контексте суровых природно-климатических условий Севера и иной санитарно-гигиенической культуры. Изучаются проблемы алкоголизма врачей, нехватки медицинского персонала, негативного влияния чиновников и пренебрежительного отношения царского правительства. На основании исторических источников исследуются особенности народных методов лечения, знахарства и шаманизма, их место в мировоззрении местного населения. В заключение оценивается общее состояние здравоохранения и его значение в повседневной жизни политссыльных, роль губернских властей в системе политической ссылки на север Западной Сибири.

Ключевые слова: политическая ссылка, народники, народная медицина, повседневность, знахарство, здравоохранение, Тобольский Север.

Введение. Проблема постановки медицинского дела была всегда актуальной для Российской империи ввиду особенностей ее географического расположения и широкого разнообразия природно-климатических условий. Крайне сложной оставалась ситуация на севере Западной Сибири, освоение которого было сопряжено с постоянной борьбой против болезней, вызванных влиянием экстремальных перепадов температуры и северных холодов. Обширность и малонаселенность сибирских территорий в совокупности с их удаленностью от европейской части России приводили не только к затруднениям в логистике и коммуникации между государственными структурами, но и препятствовали созданию полноценной системы здравоохранения в этом крае. В результате история дореволюционного медицинского дела и санитарно-гигиенической культуры на севере Западной Сибири имеет довольно значительные лакуны, связанные с отсутствием широкого круга исторических источников и малым интересом исследователей к локальной истории северных регионов. Во многом сведения о развитии местного здравоохранения сохранились благодаря изысканиям политических ссыльных, записям чиновников и научным статьям врачей. В частности, это исследования А. А. Дунина-Горкавича [1], воспоминания сургутского исправника Г. А. Пирожникова [2] и врача В. Е. Клячкина [3], труды политических ссыльных [4–6].

В общем контексте состояние здравоохранения на Тобольском Севере анализируется в исследованиях советского периода [7–9], современная исто-

риография данного вопроса представлена более обширно [10–21], как и исследования народной медицины и шаманизма Западной Сибири [22–26]. Однако в большинстве перечисленных трудов общая характеристика врачебного дела базируется в основном на изучении биографий медиков, строках официальных отчетов врачей и фельдшеров, записях заезжих ученых. Научные работы ссыльных упоминаются тоже, но прочие источники, связанные с ними, практически не привлекаются. В результате остается почти нераскрытой точка зрения пациентов, информация о динамике отношений между ними и их лечащими врачами, роль здравоохранения в обыденной жизни политссыльных и местного населения.

Таким образом, цель исследования — раскрыть особенности постановки официального здравоохранения и развития народной медицины с точки зрения политических ссыльных конца XIX века. При помощи антропологического подхода и ряда специальных методов (историко-сравнительного и проблемно-хронологического, метода источниковедческого анализа и т. п.) можно на основании мемуаров, переписки и трудов политических ссыльных реконструировать детали повседневной жизни общества, взглянуть на постановку врачебного дела с иной точки зрения, глазами людей, принадлежавших к другой санитарно-гигиенической культуре, выросших в губерниях с отличающейся системой организации здравоохранения.

Основная часть. Согласно административному делению Тобольской губернии, ее северная часть занимала 835830 кв. верст [1, с. 25] (Сургутский

и Березовский уезды). В отличие от южных уездов губернии, климатические условия Тобольского Севера были чрезвычайно изменчивыми. Ссылный Д. Д. Лейвин вспоминал: «Зима длится не меньше семи месяцев, с начала октября и до начала, а то и середины мая <...> Морозы нередко неделями стоят в 40 градусов» [6, с. 31]. Ближе к Обской губе было еще холоднее — в Обдорске зима могла продолжаться восемь месяцев. Однако подобное похолодание не было постепенным, подготовиться к нему порой было невозможно — температура за одну ночь могла резко упасть с 25 до 40 градусов [6, с. 31].

Зима стремительно сменялась летом, быстрое повышение температуры приводило к частым разливам рек, озер и болот и превращало регион «месяца на 1½–2 как бы в сплошное болото и трясину» [6, с. 36]. Соответственно, в этот период вся инфраструктура становилась недоступной, уехать куда-либо весной было нельзя. Деревни и села Тобольского Севера полностью утрачивали связь с внешним миром, отсутствовала возможность пополнить запасы медикаментов или получить своевременную медицинскую помощь. Кроме того, погодный фактор способствовал росту числа простудных заболеваний среди населения, местные жители часто страдали от лихорадки, болезней желудочно-кишечного тракта и ревматизма. Местные называли их «лихоманка» или «кумаха», «гортанная болезнь», «нутряная боль» или «болезнь по внутренностям», «безумка», «костная болезнь» и пр. [5, с. 203].

По воспоминаниям ссыльных, на Тобольском Севере неоднократно бушевали эпидемии натуральной оспы и тифа, распространялся сифилис (как среди инородцев, так и в русских поселениях), были обыденностью глазные болезни, цинга, дифтерит и описторхоз, именуемый собственноручно «обской болезнью» [6, с. 88, с. 102].

В такой неблагоприятной обстановке политические ссылки, насильно перемещенные из привычного региона проживания в экстремальные условия севера Сибири, сразу же сталкивались с чередой новых недугов. Заболевания, полученные за время тюремного заключения и этапирования, усугублялись отсутствием теплой одежды и лекарств, резкой переменой климата, сильными холодами, высокой влажностью и перепадами температуры. Зачастую революционеры были вынуждены выбирать между самолечением или обращением к уездному врачу или фельдшеру. Третий вариант — получение помощи в других уездах губернии — был практически невозможен, так как оперативно выехать было нельзя ввиду бюрократических проволочек и мер по предотвращению побегов. При этом местные эскулапы не вызывали доверия и у сибиряков, не желавших отдавать себя в руки врачей. Эта боязнь объясняется не только суевериями и предубеждениями сибиряков, но и недобросовестным поведением самих врачей. Высланный в Тобольскую губернию в 1891 году В. В. Бартенев писал о том, как бывший объездной обдорский врач И. Я. Зальмуниин столкнулся с тем, что инородцы предлагают ему деньги за отказ от осмотра [6, с. 155]. Причины подобного поведения крылись в методе «оспопрививания», применяемом предприимчивым березовским фельдшером. Он, взяв собой несколько больших ножей самого «ужасительного» вида и точилку, приезжал к инородцам, чтобы якобы прививать их от оспы. Собрав все население вместе с детьми, фельдшер доставал ножи и начинал «...точить их с видом, не обещающим ничего

хорошего» [6, с. 155]. Разумеется, подобное лечение никакого энтузиазма у людей не вызывало, и остяки откупались от помощи этого прощельги звериными шкурками и деньгами. В итоге из-за авантюры березовского фельдшера И. Я. Зальмуниину пришлось долго убеждать инородцев в безопасности оспопрививания.

Во время эпидемии дифтерита непосредственно в самом Обдорске жители бунтовали и отказывались от мер, предпринимаемых для дезинфекции. Врач, увидев такое сопротивление, задумал решить проблему при помощи просветительской деятельности. Но прошение о проведении публичных лекций среди инородцев было встречено отказом, так как господин попечитель Западно-Сибирского округа нашел подобную инициативу «неудобной». Только через год, когда в губернии началась холера, И. Я. Зальмуниин получил одобрение от местной администрации и прочел лекцию. Его выступление публика встретила с большим интересом, более того, рекомендуемые врачом меры реализовали на практике.

Однако плохих врачей было все же больше, чем хороших, поэтому значительная часть сибиряков решалась на поход в больницу или медпункт лишь в крайне запущенных случаях (при условии, что последние вообще имелись в поселении). Из-за специфики административного разделения Западной Сибири на всю огромную Тобольскую губернию (по площади — 1318 тыс. кв. верст) в 1884 году полагалось всего 29 врачей, большая часть которых проживала в городах южных уездов губернии [27, с. 237]. Конечно, это число впоследствии увеличилось, появились новые медицинские пункты и больницы, но на Тобольском Севере медицинский штат всегда был недостаточно укомплектован из-за низкой заработной платы (700 рублей — жалованье врача, 200 рублей — фельдшера) [2, с. 30] и плохих условий труда. Часть обязанностей отсутствующих специалистов ложилась на уездных врачей, которым итак приходилось выполнять функцию городских врачей. Для маленьких сел и деревень собственный доктор не полагался — на весь Сургутский уезд в 1880-х назначался только один врач, на Березовский уезд — два. Как следствие, самые отдаленные северные поселения удостаивались приезда уездного врача лишь раз в год или во время вспышки эпидемии.

Зато служившая альтернативой народная медицина была весьма разнообразной и при этом легкодоступной (хоть и не очень действенной). Ссылный И. Я. Неклепаев, наблюдавший в течение шести лет за жизнью местного населения, отмечал, что по поверьям сургутян стать лекарем или знахарем довольно просто. Стоило лишь взять «васильевский огарок» (остаток обожженной лучины, который обладал сильными магическими свойствами и служил оберегом от нечисти) и в ночь на Иванов день отправиться в самую густую лесную чащу. Там требовалось очертить этим самым огарком круг не по божи («супротив солнца»), встать в него и в полночь «...заговорят травы, всякая трава начнет сказывать своим голосом, от какой она болезни лечит ... И пойдут промеж них разговоры, всякая трава начнет как бы хвастаться, а ты только сиди, да слушай, да запоминай» [5, с. 202]. После того, как все нужные знания были получены, требовалось «расчертиться» из круга огарком в обратном направлении (по солнцу) и нарвать трав. И. Я. Неклепаев подчеркивал, что сам чудодейственный огарок при долговремен-

ном планировании можно было сделать легко. Заинтересованному человеку надо было накануне Васильева дня (вечером под Новый год) зажечь лучину углями из печки. Особенно было важно, чтобы угли получились от первого огня, зажженного ритуальным способом. После того, как лучина обгорала, ей требовалось зажечь свечи или лампы, а оставшийся огарок приобретал магическую силу. Несмотря на простоту ритуала и наличие сильного оберега, рисковать сургутяне не любили и считали, что для такой вылазки требовалась недюжинная смелость, ведь трава не только начинала переговариваться после полуночи, но и по ней прыгали огоньки — «на всякой траве свой огонек: то зеленый, то синий, то красный» [5, с. 202]. Кроме того, развлекающаяся перед летним солнцестоянием нечисть тоже была опасна, и перспектива наткнуться на бесовские гулянья в темном лесу весьма устрасала искателей знаний.

Поэтому старухи-лекарки предпочитали собирать лечебные травы в день накануне Ивана Купалы без ночных randevu. Соответственно, стоимость лечения от травниц была весьма невысокой, порой они вовсе лечили на безвозмездной основе. Стоит отметить, что хотя пользование лекарственными травами могло иметь хоть какой-либо настоящий эффект и не приносило большого вреда, иные народные средства варьировались от бесполезных и бестолковых до весьма опасных для жизни. Особенной популярностью у местных жителей пользовались бивни мамонта и медвежьи зубы с желчью (не из-за их лекарственных свойств, а бытовавших вокруг них мифов) [5, с. 78]. Они входили в состав лекарств от многих болезней (как амулет или же в перетертом виде). Язвы лечили свежим человеческим калом, перелом костей — порошком красной меди, озноб — кошачьим или лисьим салом, простуду — настоем багульника [5, с. 202–216]. Такое лечение и общая нечистоплотность жителей порой приводили к ошибочным диагнозам. Доктор Нейберт отмечал, что в Обдорске многие больны не сифилисом (как это было установлено врачами ранее). Часто язвы появлялись из-за развития волчанки или же иных кожных болезней [6, с. 156].

В особенно тяжелых случаях, когда лекарки были бессильны, сургутяне обращались к остяцким знахарям и шаманам. Самым эффективным лечением считалось заклятие шаманом больного [6, с. 102]. В таких условиях неудивительно, что ссыльные пытались сначала вылечиться собственными силами или же при помощи товарищей, имеющих хоть какое-либо медицинское образование. Лишь когда ситуация становилась безвыходной, люди решались обратиться в инородческие больницы в Березове или Сургуте. Но это было сопряжено с длительными бюрократическими проволочками, так как требовалось добиться от исправника официального разрешения на поездку. Причем убедить оных в необходимости получения профессиональной помощи было довольно трудно, многие чиновники в местах причисления ссыльных опасались побегов.

Ситуация дошла до того, что Березовский окружной исправник обратился к Тобольскому губернатору с вопросом о том, что делать с хронически больными ссыльными, отказавшимися от размещения в инородческой уездной больнице, но при этом остававшихся на излечение в городе на частных квартирах [28, л. 10]. Это было серьезной дилеммой, так как подобное положение дел могло не только способствовать побегам, но и привести

к переполнению города ссыльными. Их бесконтрольное нахождение вне места причисления означало несоблюдение судебного решения, но выселение их означало порой подписание смертного приговора. В итоге судьба поднадзорных полностью зависела от порядочности местных чиновников и врачей, от их человечности и готовности оказать помощь государственным преступникам.

Ярким примером такого подневольного положения ссыльных может стать дело административно-ссыльной Л. И. Ананьиной, добившейся лечения и назначения в другое место ссылки. Березовский исправник в рапорте от 7 февраля 1888 года представил Тобольскому губернатору прошение от поднадзорной о переводе на постоянное жительство в г. Березов вместо направления после выздоровления в с. Кондинское [29, л. 118]. На основании заключения городского окружного врача Дьяконова, освидетельствовавшего тяжелое состояние революционерки, она просит назначить ей местом ссылки г. Березов, так как в отдаленном селе отсутствует возможность получить подобающее лечение. Действительно, жители с. Кондинского (Нахрачи), насчитывавшего всего 20 дворов, могли в лучшем случае рассчитывать на помощь фельдшера (полноценный медпункт там откроется лишь в 1902 г.). При этом с 1886 года между селом Самаровским и Кондинским бушевала тифозная горячка. До властей новости об этом дошли только в 1887 году, но помочь населению было некому, кондинский фельдшер Игленкин заболел, фельдшер Калачев уехал в с. Чемашевское [22, с. 33].

Реальность вышеописанной проблемы подтверждают неоднократные просьбы местных чиновников о назначении дополнительных специалистов в Сургутский, Березовский и Обдорский округа [30]. Экстренная ситуация в округе (в частности эпидемиологические болезни, распространяющиеся далее по поселениям) означала для окружного врача необходимость бросить город и инородческую больницу. В это время врач не мог контролировать действия подведомственных ему фельдшеров. Как выражается Сургутский исправник, «...последние, зная это, халатно относятся к своим же обязанностям, почему нередко являются случаи вымирания целых инородческих семейств без подания им медицинской помощи» [2, с. 30]. Отказ царского правительства от увеличения штата привел к тому, что исправники готовы были принимать на работу даже политических ссыльных. В Обдорске с сентября 1881 года должность фельдшера занимал бывший вольнослушатель Киевского университета Св. Владимира В. П. Щегинский, а в Березове работал младшим лекарским учеником дворянин Н. А. Короткевич [19, с. 100]. Последний практически окончил полный курс медицинского факультета и стал прекрасным помощником для местного врача. Проработал Н. А. Короткевич вплоть до окончания срока ссылки в 1886 году.

В подобном контексте желание революционерки остаться в Березове представляется обоснованным не столько стремлением к более комфортной жизни, сколько инстинктом самосохранения. Ввиду того, что ссыльная тяжело болела и страдала истерическими припадками, переезд мог иметь фатальные последствия. Для 19-летней девушки ее состояние здоровья находилось в крайне плачевном состоянии: сильные головные боли, мышечный ревматизм, малокровие, частые истерические припадки по 10 минут, многолетние колющие боли в обла-

сти лопаток и одышка, опущение матки, гиперемия влагалища, болезненное мочеиспускание, температура 38 ° [29, л. 126—126 об.]. Врач диагностировал бронхит и хронический перитонит, выраженный в сильной степени и причиняющий боль при передвижении. Кроме того, городская акушерка и местная повивальная бабка Соплякова заключили, что Л. И. Ананьина была беременна (на 6-м месяце на момент освидетельствования 28 марта). Только после заключения врача немедленная транспортировка поднадзорной была признана чиновниками невозможной. Помогло также наступление весны, дороги стали непроходимыми, и Л. И. Ананьину все же поместили на лечение в инородческую больницу (хоть и с воспрещением свиданий со ссыльными). Благодаря помощи медиков она успешно родила сына Николая 22 июля 1888 года [29, л. 136].

Очевидно, что поднадзорные, размещенные в окрестных городах, были в более выгодном положении. Но и тут могли быть проблемы из-за элементарного отсутствия поставок медикаментов. И. Я. Неклепаев, характеризуя сургутскую инородческую больницу, указывал следующее: «...оставлена эта больница столь жалким образом, что сплошь и рядом здесь нельзя было достать (в городе, конечно, нет аптеки, и лекарства продаются при больнице) самых элементарных медикаментов, вроде, например, хины или салицилового натра. Я не говорю уже о хирургических инструментах, о самой обстановке больничного лечения» [6, с. 306].

А даже если лекарства и были, то не все медики могли их правильно применить из-за некомпетентности. Тот же И. Я. Неклепаев вспоминал, что «огромное большинство их, по крайней мере, при мне (1885—1891 гг.), кажется, ровно ничего не знает, кроме как ставить клистиры и пускать кровь» [6, с. 306]. Фельдшеры были не лучше квалифицированных докторов — некоторые получили назначение в Тобольскую врачебную управу в возрасте 15—16 лет, не освоивши толком специального образования [22, с. 40]. Хотя, были исключения, на Север могли направить по распределению и воспитанников Омского фельдшерского училища, и военных фельдшеров, прошедших под наблюдением врачей установленный курс в лазаретах [6, с. 250].

Бедственное положение здравоохранения живо иллюстрирует история обдорского врача Маршалова. Он принимал больных скарлатиной только через специальное окошко, ставил им диагноз и выписывал рецепты на лекарства без осмотра, на основании беседы [22, с. 42]. Более детально показывают уровень халатности чиновников и пренебрежения врачей истории сургутских ссыльных Л. А. Иванова и К. Н. Филиппова. Тяжело заболевший Л. А. Иванов (воспаление спинного мозга парализовало ему ногу и руку, также отнялся язык) не единожды подавал прошения о помещении в больницу в Тобольске. Однако губернские власти долго игнорировали череду обращений от политического ссыльного, бесцеречно отказывая умирающему человеку во врачебной помощи. Получивший в Сургуте туберкулез, К. Н. Филиппов тоже много раз писал губернатору с просьбой о переводе в место с более подходящим его слабому здоровью климатом. В обоих случаях решение о переводе ссыльных было принято слишком поздно. Л. А. Иванов умер 29 мая 1887 года по дороге в тобольскую больницу, а К. Н. Филиппов скончался в этом же году в Кургане в возрасте 26 лет [31, с. 394—396]. Так, из-за безразличия чиновников

и длительной бумажной волокиты трагически оборвалась жизнь двух людей.

Терпение сургутских ссыльных лопнуло, и когда в ноябре 1887 года политссыльный Колегаев, искавший врача для своей отравившейся уксусной эссенцией дочери, обнаружил того сильно пьяным, Тобольскому губернатору была направлена официальная жалоба [32]. Согласно официальной переписке, Соковнин, опасаясь нападения, согласился прийти к ссыльным только после требования через полицию и лишь в сопровождении стражника. В своем отчете врач сообщил, что он, прибыв к Колегаевым вместе с фельдшером Кушниковым в ночь на 29 ноября, был «...окружен родителями больной и другими, находившимися в доме ссыльными, около шести человек, которые начали допрашивать его, какое он принес лекарство и какое от него будет действие, и почему он хочет дать это лекарство, а не другое» [32, л. 5—5 об.]. По словам Соковнина, поднадзорные обступили его с фельдшером и позволили себе «дерзкие насмешки и даже ругательства», и только после неоднократных убеждений позволили ему дать ребенку лекарство. Утром некоторые из ссыльных стали ломиться к нему в дом с требованием повторного осмотра. Уже вместе с исправником Соковнин вновь осмотрел девочку и, не обнаружив признаков необходимости продолжения лечения, удалился. В обращении он указал, что подобные «нападки» со стороны ссыльных имели место быть в 1886 году, поэтому он просит врачебную управу сделать надлежащее распоряжение об охране медицинского персонала от подобных оскорблений.

Впрочем, предубеждение со стороны ссыльных можно объяснить не только злостью из-за смерти Л. А. Иванова и К. Н. Филиппова, но и недавними проступками врача. В жалобе В. Я. Яковлева от декабря 1887 года поведение сургутского врача выглядит еще непригляднее. Поднадзорный обратился в ноябре к врачу Соковнину с просьбой о лечении сыпи, но тот, осмотрев его, сказал, что пока ничем помочь не может и ждет его на прием через неделю. Однако через неделю Яковлев обнаружил в больнице абсолютно пьяного врача, который отложил прием еще на две недели. Симптомы усилились, и врач все же сумел диагностировать заболевание — по его словам это была первичная форма сифилиса. Соковнин уверенно прописал для лечения ртутные препараты, но ссыльный, усомнившийся в диагнозе, на такое «лечение» не решился. В это же время его товарищ И. И. Лазаревич, лежавший в местной больнице полтора месяца, был выписан, несмотря на язвы в горле. Он не получил никакого лечения, при этом доктор признал его здоровым [32, л. 7 об.].

Как оказалось, опасения Яковлева были совершенно оправданы — вскоре Соковнин прислал ему свидетельство о том, что он тоже совершенно здоров! Вероятно, оно было написано в состоянии алкогольного опьянения, так как в заметках было указано, что «больной ни на что не жалуется» [32, л. 8]. Такое наплевательское отношение уже невозможно объяснить безалаберностью доктора. Это был сознательный отказ от соблюдения врачебной этики и умышленное игнорирование нужд пациентов.

22 декабря 1887 года ссыльные подали Тобольскому губернатору коллективное заявление, протестуя против беззакония, отсутствия медикаментов и невменяемого врача-алкоголика. Впрочем, и данное заявление, и последовавшее за ним второе обращение губернатора Тройницкий равнодушно

проигнорировал. По делопроизводственной переписке между местными и тобольскими властями можно узнать, что противостояние ссыльных и врача на этом не закончилось. 1 января 1888 года поднадзорный М. Д. Гуревич пришел в городскую больницу в отсутствие врача Соковнина и потребовал от фельдшера Кушника медикаментов [32, л. 1]. После отказа фельдшера ссыльный на него кричал, нарушив тем «спокойствие больницы» [32, л. 1 об.]. На смену ему 14 января пришел Лазаревич вместе с двумя другими политссыльными, но их визит тоже не увенчался успехом — они подошли к больнице в то время, «когда в оной не было ни врача, ни фельдшеров». Итогом стала лишь отметка в отчете о том, что они нещадно бранились под закрытой дверью, нарушая покой больных [32, л. 1 об.]. 16 января вновь пришел Гуревич, предъявив фельдшеру Шатову рецепт (написанный и подписанный самим же Гуревичем), и потребовал выдать ему медикаменты. После отказа Гуревич собрал почти всех политических ссыльных Сургута и вошел в квартиру врача Соковнина, требуя выдать ему лекарства. Ответом на эту эскападу стала жалоба Соковнина, переданная вышестоящим в рапорте ротмистра. Она была подкреплена свидетельством фельдшеров о том, что Гуревич занимался медицинской практикой в Сургуте без разрешения. Более того, там подчеркивалось, что якобы в результате его самоуправства скончалась всего за 4 дня болевшая жена местного жителя Кайдалова [32, л. 3].

В результате восстание ссыльных против властей стало неизбежным, «Сургутский протест», начатый заявлением от 22 декабря 1887 года, продолжился в форме категоричных требований, адресованных губернатору, и петиции, направленной в МВД 16 февраля 1888 года. Затем в ночь с 18 на 19 февраля для распространения петиции был подготовлен побег ссыльных И. И. Лазаревича и А. И. Лебедева.

Несмотря на то, что бунт сурово подавили, а протестовавших ссыльных отправили по разным селам и деревням Тобольского Севера и Якутской области, состояние местного здравоохранения не улучшилось. В апреле того же года С. И. Агапов совместно с другим поднадзорным ушли лечиться в поселение Юганское, наотрез отказавшись возвращаться в город, из-за чего их был вынужден сопровождать надзиратель.

Заключение. На основании проанализированных источников можно сделать вывод о том, что негативная динамика взаимоотношений между пациентами и врачами во многом была определена изначально плохой постановкой медицинского дела на Тобольском Севере.

Небрежное отношение сибирских «сатрапов» и недостаток персонала приводили к тому, что врачи просто не справлялись с чудовищным объемом работы в регионе, разрываясь между городами и сельскими поселениями. Поэтому местные чиновники были вынуждены терпеть даже таких пьяниц и разгильдяев, как доктор Соковнин или Маршалов, игнорируя все жалобы населения. Отсутствие медикаментов, квалифицированного врачебного персонала, неблагоприятные природно-климатические условия — все это способствовало неизбежному протесту поднадзорных. Они, в отличие от сибиряков, имели представление о том, как подбаивают работать врачам, какой должна быть система здравоохранения. Соответственно, на фоне скверного отношения прочих «эскулапов» примеры положительного взаимодействия ссыльных

с окружными врачами Дьяконовым и И. Я. Зальмуниным просто терялись.

Стоит констатировать, что именно сложившаяся система здравоохранения привела к катастрофе в виде «Сургутского протеста» 1888 года. Изначально ее можно было избежать, но власти не приняли никаких мер для предотвращения дальнейших инцидентов и улучшения положения жителей Тобольского Севера. В конечном итоге намеренная слепога губернатора Троицкого и попустительство сургутских чиновников привели не только к смерти государственных преступников, но и ухудшили положение простого народа, в интересах которого они и должны были служить Отечеству.

Библиографический список

1. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. Москва: Либерея, 1996. 208 с.
2. Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север: историко-краеведческий сб. / Ред. сост. Л. В. Цареградская. Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 250 с. ISBN 5-8260-132-1.
3. Клячкин В. Е. Санитарный очерк города Сургута Тобольской губернии // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвертый. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1894. С. 269–339.
4. Скалозубов Н. Л. Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Епархиального Братства, 1905. Вып. XIV. С. 1–30.
5. Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Омск: Тип. Окружного Штаба, 1903. Т. 30. 398 с.
6. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX–начала XX века / Сост. Л. П. Роцевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. 432 с. ISBN 5-7529-0700-4.
7. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
8. Роцевская Л. П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1978. С. 48–84.
9. Показаньев Ф. Я. Город Сургут и Сургутский район: краткое описание мест и событий. Тюмень: [б. и.], 1972. 19 с.
10. Белобородов В. К. Обитаемое прошлое: книга негромких приключений. Тюмень: Мандр и Ка, 2011. 255 с. ISBN 5-93020-466-7.
11. Темплинг В. Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX–начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 136–142. EDN: VHIQT.
12. Цысь В. В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX–начале XX вв. // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 2. С. 497–512. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512. EDN: UEFWLC.
13. Вануйто В. Ю. Развитие здравоохранения на севере Тобольской губернии // Вестник Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. Тобольск: Изд-во ТобГПИ. 2003. № 2. С. 126–131.
14. Зверев В. А. Медико-санитарные условия жизни сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. / ред. кол. Е. И. Соловьева, Л. И. Дремова, В. А. Зверев [и др.]. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 38–55.

15. Татарникова А. И. Березов и Сургут как административные центры севера Тобольской губернии конца XIX – начала XX в.: медико-санитарное состояние // Манускрипт. 2017. № 3–2 (77). С. 177–180.
16. Коваленко А. Д., Васькина Е. А. Вклад политических ссыльных в развитие здравоохранения Югры в XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы истории, документоведения и педагогики: материалы науч.-метод. семинара студентов, аспирантов и преподавателей кафедр истории России, документоведения и всеобщей истории, педагогики и педагогического и социального образования, Нижневартовск, 24 декабря 2016 г. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 28–30. EDN: YPOVIS.
17. История здравоохранения Березовского района / Сост. А. А. Головин. Березово: [б. и.], 2005. 98 с.
18. Милевский О. А. По следам оборванной жизни: ссыльная судьба народника Льва Иванова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 101–115. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.005. EDN: USKIGQ.
19. Милевский О. А. Политическая ссылка 1860–1890-х годов на Тобольский Север: социокультурный контекст. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с. ISBN 978-5-906714-20-6.
20. Букин А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917): моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 115 с.
21. Петин Д. И. Рецензия на монографию А. Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917)» // Северные Архивы и Экспедиции. 2017. Т. 1, № 1. С. 84–88. EDN: YIEIWX.
22. Темплинг В. Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень: Маандр и Ка, 2017. 224 с. ISBN 5-785-93020-486-5.
23. Бондаренко С. И. Народные врачебельные практики русских крестьян Западной Сибири XIX – нач. XX вв. (духовно-экологический аспект) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (82). С. 122–131. DOI: 10.26105/SSPU.2023.82.1.014. EDN: GYBUTF.
24. Зиннатулина Г. И. Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 182 с.
25. Федорова Г. В., Вяльцин С. В., Новокщенова И. Е. К истории медицины в Сибири: Ханты-Мансийский округ // Омский научный вестник. 2006. № 2 (35). С. 258–262. EDN: HUMSFH.
26. Ермакова Е. Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX – начало XIX вв.). В 2 т. Тюмень: Издатель Пашкин, 2005. Т. 1. 204 с.
27. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / Сост. А. И. Дмитриевым-Мамоновым и К. М. Голодниковым. Тобольск: тип. Тоб. губ. правл., 1884. VI. 408. 26. 61 с. [10] л.
28. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 12. Д. 5.
29. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. .
30. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 561.
31. Милевский О. А. «Мы жертвою пали...»: ссыльная биография Константина Филиппова // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск, 2019. Т. 9, № 21. С. 381–396. EDN: STMVIN.
32. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 12. Д. 65.

ЯКОВЧУК Вероника Артуровна, аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, эксперт управления научно-исследовательских работ Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут.
SPIN-код: 8257-0768
AuthorID (РИНЦ): 1088064
ORCID: 0009-0008-0067-4378
ResearcherID: KGL-6006-2024
Адрес для переписки: branvin13@mail.ru

Для цитирования

Яковчук В. А. Здравоохранение и народная медицина на Тобольском Севере: взгляд политических ссыльных конца XIX в. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 48–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-48-55.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024 г.
© В. А. Яковчук

HEALTHCARE AND TRADITIONAL MEDICINE IN THE TOBOLSK NORTH: THE VIEW OF POLITICAL EXILES OF THE LATE 19TH CENTURY

This article, based on memoirs, correspondence and works of political exiles, examines the specifics of medical practice and traditional medicine in the Tobolsk North at the end of the 19th century. The point of view of patients, the dynamics of relations between them and their attending physicians in the context of the harsh natural and climatic conditions of the North and a different sanitary and hygienic culture are analyzed. The problems of alcoholism of doctors, lack of medical personnel, the negative influence of local officials and the neglectful attitude of the tsarist government are studied. Based on historical sources, the features of traditional medicine, witchcraft and shamanism, their significance in the worldview of the local population are considered. In conclusion, the general state of health care and its importance in the daily life of political exiles, the role of provincial authorities in the system of political exile in the North of Western Siberia are assessed.

Keywords: political exile, populists, traditional medicine, everyday life, witchcraft, healthcare, Tobolsk North.

References

1. Dunin-Gorkavich A. A. Tobol'skiy Sever. V 3 t. T. 3. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev [Tobolsk North. In 3 vols. Vol. 3. Ethnographic sketch of local foreigners]. Moscow, 1996. 208 p. (In Russ.).
2. Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyskiy sever: istoriko-krayevedcheskiy sb. [So far and so close the Ob-Irtysk north: a collection of historical and local lore] / Ed. comp. L. V. Tsaregradskaya. Surgut, 2002. 250 p. ISBN 5-8260-132-1. (In Russ.).
3. Klyachkin V. E. Sanitarnyy ocherk goroda Surguta Tobol'skoy gubernii [Sanitary essay of the city of Surgut, Tobolsk province] // Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytateley i vrachey. God chetvertyy. *Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists and Doctors. Year four*. Tomsk, 1894. P. 269–339. (In Russ.).
4. Skalozubov N. L. Materialy k voprosu o narodnoy meditsine. Narodnaya meditsina v Tobol'skoy gubernii [Materials on the issue of traditional medicine. Traditional medicine in the Tobolsk province] // Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya. *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum*. Tobolsk, 1905. Issue XIV. P. 1–30. (In Russ.).
5. Neklepayev I. Ya. Pover'ya i obychai Surgutskogo kraya [Beliefs and customs of the Surgut region] // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. *Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society*. Omsk, 1903. Vol. 30. 398 p. (In Russ.).
6. Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX–nachala XX veka [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th–early 20th centuries] / Comp. L. P. Roshchevskaya, V. K. Beloborodov. Ekaterinburg, 1998. 432 p. ISBN 5-7529-0700-4. (In Russ.).
7. Minenko N. A. Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII–pervoy polovine XIX v.: Istoriko-etnograficheskiy ocherk [North-Western Siberia in the 18th–first half of the 19th century: historical and ethnographic essay]. Novosibirsk, 1975. 308 p. ISBN 5-7529-0700-4. (In Russ.).
8. Roshchevskaya L. P. «Surgutskaya istoriya» (Volneniya politicheskikh ssyl'nykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri) [«Surgut history» (Protest of political exiles of the 80s of the 19th century in Western Siberia)] // *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolyutsionnoy Rossii. Class Struggle and Socio-Political Life of Pre-Revolutionary Russia*. Tyumen, 1977. P. 48–84. (In Russ.).
9. Pokazanyev F. Ya. Gorod Surgut i Surgutskiy rayon: kratkoye opisaniye mest i sobytiy [The city of Surgut and the Surgut region: a brief description of places and events.]. Tyumen, 1972. 19 p. (In Russ.).
10. Beloborodov V. K. Obitayemoye proshloye: kniga negromkikh prikluycheniy [The inhabited past: a book of quiet adventures]. Tyumen, 2011. 255 p. ISBN 5-93020-466-7. (In Russ.).
11. Templing V. Ya. Zdravookhraneniye na Kraynem Severe Tobol'skoy gubernii (XIX–nachalo XX v.) [Healthcare in the Far North of Tobolsk province (XIX–early XX centuries)] // *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2015. No. 4 (31). P. 136–142. EDN: VHIIQT. (In Russ.).
12. Tsys V. V. Stanovleniye sistemy meditsinskikh uchrezhdeniy na Tobol'skom Severe v XIX–nachale XX vv. [Formation of system of medical institutions in Tobolsk north in XIX–early XX centuries] // *Nauchnyy dialog. Scientific Dialogue*. 2022. Vol. 11, no. 2. P. 497–512. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512. EDN: UEFWLC. (In Russ.).
13. Vanuyto V. Yu. Razvitiye zdravookhraneniya na severe Tobol'skoy gubernii [Development of healthcare in the north of Tobolsk province] // *Vestnik Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D. I. Mendeleeva. Bulletin of the Tobolsk State Pedagogical Institute named after. D. I. Mendeleeva*. 2003. No. 2. P. 126–131. (In Russ.).
14. Zverev V. A. Mediko-sanitarnyye usloviya zhizni sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Medical and sanitary living

conditions of the rural population of Siberia (1861–1917)] // *Kul'turnyy potentsial Sibiri v dosovetskiy period. Cultural Potential of Siberia in the Pre-Soviet Period* / Ed. board: E. I. Solovyeva, L. I. Dremova, V. A. Zverev [et al.]. Novosibirsk, 1992. P. 38–55. (In Russ.).

15. Tatarnikova A. I. Berezov i Surgut kak administrativnyye tsentry severa Tobol'skoy gubernii kontsa XIX–nachala XX v.: mediko-sanitarnoye sostoyaniye [Berezov and Surgut as administrative centers of the north of Tobolsk province at the end of the 19th–beginning of the 20th centuries: medical and sanitary conditions] // *Manuskript. Manuscript*. 2017. No. 3–2 (77). P. 177–180. (In Russ.).

16. Kovalenko A. D., Vas'kina E. A. Vklad politicheskikh ssyl'nykh v razvitiye zdravookhraneniya Yugry v XIX–nachale XX vv. [The contribution of political exiles to the development of healthcare in Ugra in the 19th–early 20th centuries] // *Aktual'nyye problemy istorii, dokumentovedeniya i pedagogiki. Current Problems of History, Document Science and Pedagogy*. Nizhnevartovsk, 2017. P. 28–30. EDN: YPOVIS. (In Russ.).

17. Istoriya zdravookhraneniya Berezovskogo rayona [History of healthcare in the Berezovsky district] / Comp. A. A. Golovin. Berezovo, 2005. 98 p. (In Russ.).

18. Milevskiy O. A. Po sledam oborvannoy zhizni: ssyl'naya sud'ba narodnika L'va Ivanova [In the footsteps of an interrupted life: the fate of the exiled populist Lev Ivanov] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023. No. 3 (84). P. 101–115. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.005. EDN: USKIGQ. (In Russ.).

19. Milevskiy O. A. Politicheskaya ssylka 1860–1890-kh godov na Tobol'skiy Sever: sotsiokul'turnyy kontekst [Political exile of the 1860s–1890s to the Tobolsk North: sociocultural context]. Tyumen, 2017. 132 p. ISBN 978-5-906714-20-6. (In Russ.).

20. Bukin A. F. Vklad politicheskikh ssyl'nykh v kul'turu Zapadnoy Sibiri (1905–1917) [The contribution of political exiles to the culture of Western Siberia (1905–1917)]. Omsk, 2015. 115 p. (In Russ.).

21. Petin D. I. Retseziya na monografiyu A. F. Bukina «Vklad politicheskikh ssyl'nykh v kul'turu Zapadnoy Sibiri (1905–1917)» [Review of the monograph A. F. Bukin «The contribution of political exiles in the culture of western Siberia (1905–1917)»] // *Severnyye arkhivy i ekspeditsii. Northern Archives and Expeditions*. 2017. Vol. 1, no. 1. P. 84–88. EDN: YIEIWX. (In Russ.).

22. Templing V. Ya. Narodnaya meditsina russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri XIX v. (sotsiokul'turnyy aspekt) [Traditional medicine of the Russian population of Western Siberia in the 19th century. (sociocultural aspect)]. Tyumen, 2017. 224 p. ISBN 5-785-93020-486-5. (In Russ.).

23. Bondarenko S. I. Narodnyye vrachevatel'nyye praktiki russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri XIX–nach. XX vv. (dukhovno-ekologicheskyy aspekt) [Folk healing practices of Russian peasants of western Siberia of the XIX–beginning XX century (spiritual and ecological aspect)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023. No. 1 (82). P. 122–131. DOI: 10.26105/SSPU.2023.82.1.014. EDN: GYBUTF. (In Russ.).

24. Zinnatullina G. I. Narodnyye meditsinskiye znaniya Tobolo-Irtyshskoy gruppy Sibirskikh Tatar [Folk medical knowledge of the Tobolo-Irtysh group of Siberian Tatars]. Kazan, 2010. 182 p. (In Russ.).

25. Fedorova G. V., Vyaltin S. V., Novokshchenova I. E. K istorii meditsiny v Sibiri: Khanty-Mansiyskiy okrug [About history of medicine in Siberia: Khanty-Mansiysk autonomous region] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Omsk Scientific Bulletin*. 2006. No. 2 (35). P. 258–262. EDN: HUMSFH. (In Russ.).

26. Ermakova E. E. Sibirskaya zagovornaya traditsiya (konets XX–nachalo XIX vv. V 2 t.) [Siberian charm tradition (late 20th–early 19th centuries. In 2 vols.]. Tyumen, 2005. Vol. 1. 204 p. (In Russ.).

27. Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1884 god [Memorial book of the Tobolsk province for 1884] / Comp. A. I. Dmitriev-Mamonov, K. M. Golodnikov. Tobolsk, 1884. VI. 408. 26. 61 p. [10] sh. (In Russ.).

28. Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske» (GBUTO GA v g. Tobol'ske) [State budgetary institution of the Tyumen region «State archive in Tobolsk» (SBITR SA in Tobolsk)]. File: I-152/12/5. (In Russ.).

29. GBUTO GA v g. Tobol'ske [SBITR SA in Tobolsk]. File: I-152/12/7. (In Russ.).

30. GBUTO GA v g. Tobol'ske [SBITR SA in Tobolsk]. File: I-152/35/561. (In Russ.).

31. Milevskiy O. A. «My zhertvoyu pali...»: ssyl'naya biografiya Konstantina Filippova [«We fell victim...»: the exile biography of Konstantin Filippov] // *Sibirskaya ssylka. Siberian Exile*. Irkutsk, 2019. Vol. 9, no. 21. P. 394–396. EDN: STMVIN. (In Russ.).

32. GBUTO GA v g. Tobol'ske [SBITR SA in Tobolsk]. File: I-152/12/65. (In Russ.).

YAKOVCHUK Veronika Arturovna, Graduate Student of Social and Humanitarian Education Department, Expert of Research Department, Surgut State Pedagogical University, Surgut.

SPIN-code: 8257-0768

AuthorID (RSCI): 1088064

ORCID: 0009-0008-0067-4378

ResearcherID: KGL-6006-2024

Correspondence address: branvin13@mail.ru

For citations

Yakovchuk V. A. Healthcare and traditional medicine in the Tobolsk North: the view of political exiles of the late 19th century // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 48–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-48-55.

Received April 04, 2024.

© V. A. Yakovchuk